

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Одна из наиболее актуальных задач, встающих перед современными филологическими науками, — обобщить все накопленные знания о единстве и многообразии литературного развития и уточнить сложившиеся представления о нем.

Прежде всего основательной разработки требуют принципы определения типологии известных микро- и макрообшностей литератур по их реальному состоянию и эволюционированию. В этом плане заслуживает внимания классификация, предложенная И. Г. Неупокоевой: всемирная литература — как система систем — включает в себя соответственно региональные, зональные и национальные литературные системы¹. Однако пользоваться ею можно лишь при условии, что нас интересует так называемая литературная карта, к тому же «моментальной съемки», да еще с уточнением, что выработаны четкие, надежные критерии для обоснования границ названных систем. Иными словами, теория в данном случае излишне абстрагируется от действительности и конкретно — от непрестанных и активных процессов переформирования и внутреннего изменения складывающихся единств.

Весьма противоречивы и неоднозначны многие тенденции, а соответственно и результаты развития советской литературы. Так, до сих пор не преодолено противопоставление искусства «подлинно революционного» и «буржуазного», «эксплуататорского», «пролетарского» и «кулацкого», «неистовых ревнителей» идеологической чистоты и «попутчиков», «островитян», «живых трупов»... Без должного историзма, по сути вульгаризаторски, все еще используется учение о двух культурах, затушевываются многообразные устремления национальных литератур в после-революционные годы, когда складывались предпосылки для оформления общности нового типа, именуемой сейчас, кстати, непоследовательно — то с употреблением единственного числа, то множественного, причем с акцентом в одном случае на признаке объединяющем, а в другом скорее наоборот: «советская литература», «советская многонациональная литература», «литература народов СССР» и «советские национальные литературы», «литературы народов СССР». Кроме того, в рамках нового объединения закономерно теряла прежний смысл принадлежность каждой из его составляющих литератур к генетически обусловленным единствам, а также ранее определившимся зональным и региональным системам.

Наиболее стабильной всегда представлялась национальная литературная система. Хотя при этом все еще нерешенным остается вопрос о ее определяющем признаке (или признаках?). Чаще всего за основу берется язык, но нередко дефиниции включают просто название государства, союзной республики или автономного образования; иногда подчеркивается приоритет коренной либо численно преобладающей нации, а иногда учитывается состояние всего на данный момент сложившегося разнонационального конгломерата; стало допустимым ограничиваться лишь основой, тем, что относится к метрополии, хотя в некоторых случаях определением охватываются и различные ответвления, сопутствующие образования. Но так или иначе, неизбежен ряд новых вопросов.

Если признать главным критерием национальной литературной системы язык, тогда непременно в единстве следует рассматривать литературы, до сих пор однозначно разграничиваемые, — например, ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии, советских немцев? В соответствии с принятой логикой нужно единой системой считать и литературы испано- и англоязычные, распространившиеся не на один континент и вобравшие в себя разнородные этнокультурные традиции. Тем не менее по-преж-

нему в нашем сознании расчленены государственными границами и политическими ориентациями литературы с мощными ветвями «зарубежий» — как, например, русская. Опять-таки, опираясь на данный критерий, правомерно ли считать нормой двуязычное, а тем более многоязычное, развитие литературных систем, как правило, представляемых национальными? Взять хотя бы литературы Казахстана, России, а также Индии, Канады, Швейцарии...

Очевидно, не должны абсолютизироваться, рассматриваться сами по себе отдельные свойства и признаки явления. Понимание этого, однако, ничуть не приближает нас к решению актуальных вопросов, с особой остротой проявляющихся в контексте современной советской литературы.

На наш взгляд, самого серьезного и ответственного осмысления сейчас требует то, что по аналогии с общепринятым лингвистическим термином можно назвать дву(поли-)литературным. И наибольший интерес в этом плане представляет, пожалуй, белорусская ситуация, при всей специфичности все-таки отражающая не частности, не исключительное, а характерное для всех литератур народов СССР и не только для них.

Как известно, в Белоруссии на протяжении десятилетий мировая классика, произведения писателей зарубежных стран, советских республик и автономий получают распространение и функционирование преимущественно через русский язык. Белорусских переводов большинства классических и популярных иноязычных произведений не существует вовсе, а то, что переводилось в 20—30-е годы, по известным причинам исчезло из обращения. Но даже сохраненное и переводимое сейчас используется неудовлетворительно. Из-за отсутствия статистики такого рода мы не можем оперировать полными данными, наши же частные выборочные наблюдения и подсчеты показывают, что и в сельских, и в городских (не имеющих специализации) библиотеках республики спрос на белорусские переводные книги составляет не более 1 %, да и в целом удельный вес книг и журналов на белорусском языке по отношению к русскоязычным изданиям — около 5 %.

Нельзя не обратить внимания на явление сопряженное — перевод с перевода. Дело не только, да и не столько, в ином характере задач по передаче особенностей иноязычного материала и неизбежных вследствие этого лингвистических потерях. Более существенно то, что в принципе нарушается нормальное действие всего механизма рецепции. Происходит парадоксальное заимствование подхода к заимствованиям, ведущее к использованию тех же «шор» и «фильтров», к переносу всех недостатков перевода-посредника, в том числе купюр, произвольных трансформаций, элементарных ошибок и пр. Поэтому итог тоже парадоксальный: как правило, таким образом распространяющееся инонациональное произведение остается соотносимым лишь со сферой языка, выступающего в роли посредника, и с литературой на этом языке. Не случайно из числа анкетированных нами читателей, подавляющее большинство которых знакомится с иностранной литературой только через русский язык, лишь единицы относительно уверенно определяли, к каким конкретно зарубежным литературам относятся известные им переводные произведения, меньше половины могли уверенно назвать авторов этих произведений, примерно один из двадцати лишь располагал общими сведениями об упоминаемых иностранных писателях, а на переводчиков никто вообще не обращал внимания.

Как сложная и актуальная проблема давно дает о себе знать функционирование переводов на русский язык произведений писателей народов СССР в общесоюзном контексте, а особенно в среде родного языка, в своих республиках и автономиях. С различных точек зрения должны быть исследованы перевод авторский и авторизованный.

Однако прежде всего требует осмысления диалектика сочетания различных национальных начал в литературном процессе и непосредствен-

но в творчестве конкретных писателей всех советских республик и автономных образований.

Соответственно условиям сложившегося двуязычия писательские организации республик и автономий объединяют пишущих на языках национальных и русском. Обращаясь к примеру Белоруссии, не во всех аспектах типичному, но тем не менее, на наш взгляд, приемлемому для общей постановки проблемы, можно указать численное соотношение примерно 5 : 1. Вместе с тем следует подчеркнуть, что такое положение не статично и не имеет какой-то однонаправленной тенденции. Вообще, пожалуй, не найти ни одного советского писателя, представляющего национальные литературы, который бы никогда не прибегал в своем творчестве к русскому языку. Что касается членов Союза писателей БССР, изначально выбравших в качестве основного языка творчества русский, то один из них так и продолжают, другие впоследствии обратились к белорусскому как второму, некоторые перешли на него преимущественно или полностью. Достаточно примеров и обратного плана. Причем, начиная с 30-х годов, отмеченное характерно не только для какого-то одного поколения, не обязательно определяется этнонациональной принадлежностью того или иного писателя, не всегда совпадает с декларируемым отношением к национально-культурному сознанию и традициям, не зависит от места постоянной прописки и жительства.

Когда речь идет об отдельных фактах, резонно было бы считать главным самоопределение творческой личности. Однако основательного исследования требуют не отдельные факты, даже не ограниченная числом и локализованная их совокупность, а весьма значимая часть всей советской литературы и существенные составляющие литературных процессов каждой национальной республики или автономии — то, что именуется традиционно «русскоязычной литературой» Казахстана, Украины, Эстонии и т. д.

В массовой печати последнего времени смысловый диапазон этого определения дополняется и варьируется произвольно. И причина, вероятно, в его изначальной двусмысленности: оно включает два компонента, которые если не обязательно составляют семантическую оппозицию, то во всяком случае и не позволяют четко квалифицировать, русская литература имеется в виду или казахская, украинская, эстонская... (Для сравнения стоит задаться вопросом, обусловлено ли определение по той же модели — «белорусскоязычная литература Белоруссии»). Показательно, что даже анкетированные с филологическим образованием не имеют на сей счет аргументированного мнения: более половины оставляют вопрос без ответа, свыше 30 % — относят русскоязычных авторов к русской литературе, 15—20 % — уточняя национальность, гражданство, тематику творчества и некоторые другие признаки, считают их представителями литератур народов СССР.

Условно-теоретически, вероятно, допустимы оба подхода. Но что они значат в реальности? Ведь нужно признать, что ни в историографических, ни в проблемных, ни в сравнительных исследованиях русской литературы не учитываются такие процессы, не принимаются во внимание сформировавшиеся общности пишущих на русском языке вне России. В то же время и для литературоведов, критиков, занимающихся литературами народов СССР, названные явления оказываются вне круга основных интересов. Закономерно возникает вопрос: не ведет ли все это к положению, когда — независимо от самоопределения и выражаемого национально-языкового сознания писателей, которые составляют объективно дифференцированную общность, — усугубляется неопределенность, воспринимаемая (во всяком случае массовым сознанием) как феномен беспринадлежности?

Обобщая сказанное, следовало бы попытаться определить содержание процессов интеграции и дифференциации по системе «плюс» — «минус». Но, как нам представляется, по-разному эти знаки могут быть представлены в истории советской литературы и применительно к ее нынеш-

нему состояшно. Даже развитие такого безусловно противоречивого явления, как то, что именовалось выше дву (поли-)литературным, не лишено в определенных стадиях и некоторых проявлениях позитивного содержания. Отрицать это нет оснований. Равно как и безоговорочно принимать декларацию о его несомненной прогрессивности и однозначной полезности. Многолитературное может считаться условием полноценности развития и нормой в том смысле, что сознание нации и уровень любой национальной литературы непременно соотносится с опытом, накопленным другими. И все-таки потребность в контактах, готовность и способность к ним у каждой литературы свои, рецепция инонационального опыта всегда своеобразна. Приобщение к ценностям мирового масштаба и в опосредованной форме благотворно. Однако если такой канал связи становится основным, как следствие неизбежна его однонаправленность, и тогда происходит не только обогащение...

Диалектику сочетания различных национальных компонентов в современной советской литературе вряд ли стоит считать прямо производной от состояния языковой политики в республиках и автономиях, хотя, очевидно, это сказывается вкупе с обусловленными статусом национальных языков состоянием системы образования, несопоставимостью значения общесоюзных и региональных средств массовой информации, сложностями издательского дела и книжного рынка, унификацией библиотечной сети, а также снижением уровня научных исследований соответствующего профиля.

Процессы интеграции и дифференциации в советской литературе многообразны и сложны. Но в любом случае их изучение и возможное регулирование должны сопрягаться с перспективами развития всего нашего общественного сознания.

¹ См.: Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976.

С. М. ПРОХОРОВА

А. АДАМОВИЧ. «КАРАТЕЛИ»: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

(К вопросу о типе текста)

Особая заслуга Алеся Адамовича, считает И. Дедков, в том, что «он раньше других вместе со своими друзьями-единомышленниками по литературе и искусству... понял, что «новое мышление» нуждается в «новой чувствительности», в страстной поддержке со стороны искусства»¹.

А. Адамович — писатель-биллинг, его творчество принадлежит как белорусской, так и русской литературе, находясь в одном ряду с творчеством крупнейших современных писателей-биллингов нашей страны, обогативших литературу своих национальных республик, равно как и русскую литературу.

Художественный текст — это феномен, результат творческой деятельности художественной личности, ее индивидуального творчества. «Образ автора»² первичен и диктует создание образа читателя, воздействуя на последнего, в то же время от читателя, от его тезауруса зависит глубина проникновения в текст. А. Адамович совсем не «легкий» автор, его последние произведения требуют работы мысли, сильно воздействуют на эмоции читателя.

А. Адамович — художник и мыслитель — принадлежит XX веку, в силу чего он исследует и отражает в «Карателях»³ события этого века, но хронотоп (пространственно-временной континуум) произведения выходит за рамки XX века, автор-мыслитель стремится вскрыть истоки явления, провести тщательное исследование, в силу чего рассматриваемый художественный текст одновременно является художественным истори-